

УДК 101.1:316+82.09

СЕТЕВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – НОВЫЕ КОНТЕКСТЫ АВТОРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.Е. Кострюков¹, Е.В. Бакишутова²

¹Самарский государственный технический университет, г. Самара, Россия

²Самарский государственный институт культуры, г. Самара, Россия

Поступила в редакцию: 14.12.24

В окончательном варианте: 19.12.24

Аннотация. Рассмотрены основные тенденции современного философствования, в центре которого проблематика авторской идентичности, актуализировавшаяся благодаря новому контексту (пространству) литературы – глобальной сети Интернет и социальным сетям, а также новому средству создания текстов – нейросетям. В статье обсуждается проблематика дискурсивного конструирования социальных явлений, рассматриваются возможности различения авторских и «машинных» текстов.

Ключевые слова: литература, сетевая литература, сетература, авторство, авторская идентичность, искусственный интеллект.

NETWORK LITERATURE AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE – NEW CONTEXTS OF AUTHOR'S IDENTITY

V.E. Kostryukov¹, E.V. Bakshutova²

¹Samara State Technical University, Samara, Russia

²Samara State Institute of Culture, Samara, Russia

Original article submitted: 14.12.24

Revision submitted: 19.12.24

Abstract. The article examines the main trends in contemporary philosophizing, which centers on the problem of authorial identity, which has become relevant thanks to the new context (space) of literature – the global Internet and social networks, as well as a new means of creating texts – neural networks. Is it time to talk about dismantling the author's identity, or should we wait? The article discusses the problematic of discursive construction of social phenomena, including online literature. The possibilities of distinguishing between authorial and "machine" texts, predicted back in the XX century, are considered.

Keywords: literature, online literature, literature, authorship, authorial identity, artificial intelligence.

Идея «смерти автора» сегодня выглядит не только привычной, но даже несколько старомодной [1]. Однако она все еще не изжила себя, поскольку авторство в каждом писательском поколении, в каждой фазе литературной «наррадигмы» [2] как модели социодинамики культуры [3] продолжает умирать в новых формах.

В работе «Смерть автора» Р. Барт предложил свой взгляд на авторство, согласно которому текст необходимо рассматривать вне его связи с тем, кто его написал. Для Р. Барта важнее бесконечная череда интерпретаций, рождающихся в сознании каждого читателя после прочтения текста [1, с. 384–391]. Множество интерпретаций воображаемых читателей, часть которых нам известна, например, по литературной критике, школьным сочинениям, публицистике, философским рефлексиям, может рассматриваться как big data для машинного обучения нейросетей, где мы имеем дело тоже с бесконечным числом интерпретаций исходных текстов. Автор-машина не обладает воображением и не может галлюцинировать как автор-человек и как читатель-человек. То, что переживает внутри себя человек-литератор, способно соперничать по силе и ясности с реальными впечатлениями и приниматься читателем за таковые, особенно имеющиеся в его реальном опыте, или воображаться как возможные для реального проживания и переживания. Но машина, хоть лишена эмоций и интуиции, все лучше обучается их имитировать, рождая бесконечное число комбинаций плодов творчества множества авторов. И такой синтетический технологический творческий продукт вполне способен вызвать у наблюдателя эмоцию, схожую с восприятием творчества автора-человека. Тем более что такие технологии и даже скрипты уже существуют и используются в маркетинге, PR и разнообразных идеологических практиках.

Вхождение в дискурс сетевой литературы обязывает нас обратить внимание не только на новый корпус текстов, способы их создания и трансляции, но, в первую очередь, на авторскую идентичность; осмыслить, остается ли автор письменной личностью, если автор – искусственный интеллект; как технологии влияют на наш ответ на вопрос: «что есть человек?». В связи с этим возникает необходимость философско-методологического и культурологического анализа диалектики трансформации и стабилизации литературной сферы общества, мигрирующей от литературоцентризма к сетецентризму, от идеологизма литературы к медийности в Интернете.

Проблема исследования

Проблематика настоящей статьи имеет несколько аспектов – нормативный, технический и смысловой. Нормативность авторства регулируется законодательством: «Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» (статья 1228 Гражданского кодекса РФ), авторская идентификация – им же и ИТ-инструментами. Но литературоцентричность русской культуры привычно обязывает обратиться к смыслу авторства, его миссии. Еще в XIX в. критик М.А. Протопопов писал, что говорить о литературе – значит говорить об обществе. От писателя не требовалось большого таланта: «Пусть ваши чисто литературные способности слабы, вы всё-таки настоящий писатель, если для вас литература – не средство, а цель, не карьера, а служение, не гешефт, а подвиг» [4, с. 55]. В веке XX Е. Евтушенко были сказаны слова, актуальные в любую эпоху истории русской литературы:

*Поэт в России – больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.
Поэт в ней – образ века своего
И будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
итог всему, что было до него [5].*

В.А. Шкуратов писал: «Личность в России XIX века – это автор, само-осуществляться – значит преимущественно писать, и даже люди дела – революционеры, администраторы, предприниматели – считают необходимым по возможности оставлять заметки, а выйдя на покой, отдаются романно-мемуарному занятию» [2, с. 404]. Но и в XX веке мы встречаемся с массивом мемуаров революционеров и героев Великой Отечественной войны, основное дело жизни которых – точно не литература, и авторство не безупречно. Среди литераторов мы встречаем и глав государства – И.В. Сталина [6] (он лично учредил именную премию и курировал литературу) и Л.И. Брежнева (лауреат Ленинской премии по литературе) [7].

Интересно, что еще в 1959 г. Л. Февр предлагал программу новой истории литературы на новых основаниях, как бы размыкающих магический ореол литературы как возможности сотворения не только миров, но и самого автора, и читателя. По Л. Февру, писатели будут в ней рассматриваться только как участники институциональной деятельности, идущей сверх индивидуальности каждого [1, с. 211–219]. «Отсечь литературу от индивида!» – так комментирует его идею Р. Барт [1, с. 219], но для литературы как творчества это абсолютно неприемлемо. Итак, авторство (в нашем случае – писательство, беллетристика) оказывается в разломе сакрального и функционального. Разлом этот не противоречив, поскольку сакральное функционально – оно создает семиосферу [8]. Но и функциональное (для литературы это производство, коммуникация, потребление) сакрально, оно устанавливает темпоральность, идентичность, порядки значимости, смену поколений авторов, стилей, картин мира и т. п.

Это в полной мере относится к той культуре текста, где автор идентифицируется как фигура значимая, но и не существующая вне читателя. Согласимся с У. Эко: «Любое восприятие произведения искусства – это одновременно и интерпретация, и исполнение, потому что при каждом восприятии произведение позволяет увидеть себя с иной, новой точки зрения» [9, с. 112], расширяя дисплей авторства каждого произведения. Первыми авторами в истории цивилизации, по оценке философа Ролана Барта, были шаманы-сказители, медиумы, некие посредники-проводники высоких смыслов. Понимание человеком себя как автора, творца, подобного Богу, сформировалось только в эпоху Возрождения. С тех самых пор выбор читателем произведения во многом зависел от того, кто его автор. Таким образом автор постепенно превращался для читателя в авторитета. Читатель ставил знак равенства между автором-человеком и автором-творцом, создающим тексты литературных произведений. Однако новый технологический переход, кажется,

лишил авторство сакрального статуса – Интернет позволяет быть автором абсолютно любому, а вот количество читателей в пределах популяции остается неизменным. В этой связи считаем важным обсуждение проблематики авторской идентичности в пространстве сетевой литературы.

Что такое сетература? Существует ли она?

С появлением компьютерных технологий и Интернета в словесности поменялось столь многое, что сегодня уже актуально говорить о своеобразном разделении литературы на корпус текстов традиционных, изначально изданных на бумаге, и корпус текстов сетевых, сразу появившихся в Интернете. Уже ведутся философские и литературоведческие дискуссии о развитии сетевой литературы и сетевого авторства. Несмотря на то, что сетевая литература появилась еще в прошлом веке, многие до сих пор спорят – есть она или нет [10, с. 51]. Некоторые исследователи и вовсе считают, что сетевую литературу нельзя рассматривать как особый вид художественного текста, поскольку это пласт литературных произведений, существующих только в сети Интернет. И если эти произведения изъять из сети и перенести на бумагу, они якобы утратят свои уникальные свойства. Но именно то обстоятельство, что существование сетевой литературы не все исследователи признают, представляется нам важной ее особенностью. И мы исходим из того, что сетевая литература – это особый ряд экспериментальных текстов, требующих рассмотрения и изучения.

Если мы зададимся вопросом, что такое литература, то получим несколько устойчивых определений: литература – это совокупность произведений; совокупность художественных произведений; совокупность текстов, имеющих общественное значение; это искусство слова, закрепленное в письменной форме. Очевидно, что во всех этих определениях нет ничего, что исключало бы присутствие в ней в том числе сетевой литературы. В данном случае форма и средства (носитель) «закрепления» – электронные, но ведь не вызывает же у нас сомнений литературность повествований, сохранившихся на глиняных табличках, папирусе, камне или пергаменте. И более того, древние нарративы на самых разных носителях сегодня оцифрованы и доступны желающим не просто в компьютере, а в смартфоне.

Итак, сетература существует как новый носитель опосредствования психики и обладает следующими признаками: нелинейность, интерактивность, мультимедийность.

Главное, на наш взгляд, отличие сетевой литературы заключено в предоставлении автору (и читателю) средств и приемов, ранее ему недоступных. Прежде всего это возможность создавать *нелинейные тексты*. Благодаря гиперссылкам читатель в любой момент получает возможность покинуть художественное пространство одного текста и перейти к другому. И этот путь может быть бесконечным, словно «в кроличьей норе», если описывать этот процесс с помощью художественных образов Льюиса Кэрролла. Стало возможным самостоятельно строить траекторию движения по тексту. Во время чтения бумажной книги мы не можем покинуть ее пределы. Когда возникает потребность в других источниках, мы вынуждены отложить одну книгу, то есть покинуть ее художественное пространство, и погрузиться в другое, взяв в руки другую книгу.

Важной особенностью сетературы является и ее *интерактивность*. В качестве одной из опций текста может быть предоставление автором возможности его дописывать. В русскоязычной литературе первым таким гипертекстовым интерактивным опытом в 1995 году стал сетевой роман «Роман» филолога Романа Лейбова. Произведение представляет собой абзац, набранный транслитом, каждое слово в котором является гиперссылкой, пройдя по которой, читатель может дописать существующий текст. В настоящее время (*а прошло уже почти 30 лет*) писателей этого романа, то есть его авторов, гораздо больше, чем читателей.

Многие произведения сетевой литературы *мультимедийны*. Они содержат звуковые файлы, анимированные изображения и видео. Что, конечно же, влияет на их восприятие и отличает от традиционных литературных произведений.

Таким образом, сетература, являясь, безусловно, частью литературного процесса, одновременно представляет собой систему интертекстуальных коммуникаций, ему ранее не свойственную. Она может быть определена как «устойчивый тематически, композиционно и стилистически тип высказывания», отличающийся от обычной литературы «растворённостью» текста в текстовой стихии соавторства с не-автором.

Сетература и искусственный интеллект: автора!

Если появление Интернета изменило наши представления о том, что мы привыкли называть литературой и авторством, то распространение нейросетей еще более усилило эти перемены в нашем понимании.

Первый опыт машинной поэзии был предпринят еще в 70-е годы прошлого века. В память ЭВМ были загружены стихотворения из сборника Осипа Мандельштама. И вот что выдал компьютер:

*Добрый реет шелест
Плачет пустота
Слушают качели
И поет беда
Стань покорно горе
Томно тишь летит
И прозрачно море
Тайно шелестит
И бежит земная
Незаметно тень
Медленно лесная
Славит влажный день*

Мы видим, что стихотворный стиль Мандельштама отчасти сохранен [11], но при этом в тексте полностью отсутствует смысл. Впрочем, и современные нейросети при постановке задачи создания поэтического произведения выдают зачастую подобные тексты. Так что за полвека значительный прогресс (если вообще прогресс в литературе возможен) в этом направлении не достигнут. А вот с прозой дело обстоит несколько иначе.

Британский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Кадзуо Исигуро написал в 2021 году роман «Клара и Солнце» от лица

девушки-робота [12]. На вопрос о том, не боится ли он, что следующий роман за него действительно напишет робот, писатель ответил: «Если это будут действительно ценные с художественной точки зрения книги..., это будет означать, что искусственный интеллект... понял человеческие эмоции настолько, что может манипулировать эмоциями читателей... Это означало бы, что мы достигли точки, где машины действительно понимают людей на таком уровне. Мне это кажется очень интересной границей» [13].

Попытки создать совершенную литературную машину не прекращаются, а литераторы все чаще обращаются к помощи нейросетей в работе над произведением.

В России уже появились книги, где соавтором писателя является искусственный интеллект. В 2022 году первым таким опытом в истории русской литературы стал сборник рассказов Павла Пепперштейна «Пытаясь проснуться» (соавтором обозначен Нейро Пепперштейн) [14]. Половина из 24 рассказов написана самим автором, а другая половина – нейросетью, обученной на предыдущих текстах П. Пепперштейна и способной имитировать его стиль. В аннотации к книге сказано, что свое мастерство нейросеть оттачивала на анализе произведений русской классики. Читателям же предлагалось самостоятельно определить, какие из рассказов были созданы литератором, а какие – машиной. Для многих это оказалось невыполнимой задачей.

У нас на глазах происходит демонтаж авторской идентичности. И порой уже невозможно понять, где в литературе заканчивается автор-человек и где начинается автор-машина. Но нужно ли заботиться о сохранности авторской идентичности? И если нужно, то почему?

Как это ни парадоксально, современные литературные произведения, созданные нейросетью, имеют некоторые черты сходства с первыми сюжетными символическими повествованиями в истории человечества – народными мифами и сказками. Мы не знаем их авторов. Они состоят из бесчисленного множества авторских «Я». Любой подобный нарратив по сути является метатекстом, содержащим в себе предыдущие, но при этом отличающимся от них. Нейросети базируются на самообучающихся алгоритмах, которые анализируют тексты, написанные ранее, но в результате выдают тексты оригинальные, созданные как бы на основе архетипов – сюжетов, речевых стратегий, шаблонов перипетий авторов. Качество новообразованных (не скажешь же, что написанных) текстов зависит от объема исходных данных, загруженных в программу. Алгоритм их чтения, как и чтения мифов (а еще более – произведений на их основе, подобных «Одиссее» Гомера или «Уллису» Дж. Джойса), сродни IT-серфингу – для точного понимания постоянно требуется переход к каким-то первоисточникам, скрытым гиперссылкам смыслов. Это напоминает предугаданное Х.Л. Борхесом чтение «Книги песка»: «Он попросил меня найти первую страницу. Я положил левую руку на титульный лист и плотно сомкнутыми пальцами попытался раскрыть книгу. Ничего не выходило, между рукой и титульным листом всякий раз оказывалось несколько страниц. Казалось, они вырастали из книги.

– Теперь найдите конец.

Опять неудача; я едва смог пробормотать:

– Этого не может быть.

Обычным, тихим голосом продавец библий сказал:

– Не может быть, но так и есть. Число страниц в этой книге бесконечно. Первой страницы нет, нет и последней. Не знаю, почему они пронумерованы так произвольно. Возможно, чтобы дать представление о том, что члены бесконечного ряда могут иметь любой номер» [15, с. 119].

Но! Чтение мифов – прерогатива дня сегодняшнего, когда мифы записаны и стали литературой, «Илиада» и «Одиссея» не были написаны, они были записаны – теми, кто их слушал и запоминал. Миф рассказывается и слушается из поколения в поколение, и не просто слушается, а проживается в действии. «Уллис», как и другие тексты (а тексты – это вообще все, включая поведение), – читается, апеллируя к декодированию естественным интеллектом, позволяющим выбрать подходящие авторским кодам коды прочтения и понимания. Считаем это разделение текстов на те, которые рассказываются и пишутся, существенным для различения литературы и произведений, созданных искусственным интеллектом, и критериями оценки здесь выступают: художественность – нехудожественность, простота – сложность.

Авторская идентичность – не просто ответ на вопрос «на кого я похож?» и не только юридическая соотнесенность автора и его произведения. В литературе автор кодирует реальность, включая в коды свою личность, ценности, установки, идеалы; вся его личность обуславливает не только содержание, но и форму произведения. «Мир авторского “я” – единственный. Он не соотносится ни с миром реальности, ни с миром какой-либо другой личности» [8, с. 51], «пустой» автор порождает пустой текст, не побуждающий интерпретаций. Интересно, что Ю.М. Лотман предвидел скорое создание машинных текстов, которым неизбежно предстоит быть плохими, но видел в этом несомненную пользу и службу человеческой культуре как маркеру художественности. Он пишет: «Художественность и антихудожественность – дополнительные понятия. Вводя точные критерии и научившись моделировать антихудожественные явления, исследователь и критик получают инструмент для определения подлинной художественности» [8, с. 279–281]. По мнению Ю.М. Лотмана, «автор склонен увеличивать сложность внетекстовой структуры, упрощая текст, создавать произведения, кажущаяся простота которых требует для адекватной дешифровки сложнейших подразумеваемых, богатства внетекстовых культурных связей. Читателю удобно, чтобы максимальная часть структуры была явлена в тексте. Нельзя не заметить, что «читательские» тенденции побеждают в таких видах текстов, которые наиболее сюжетны, содержат явно контрастные, обнаженные построения» [8, с. 281]. Велика вероятность, что именно такие тексты, «удобные» читателю, под силу написать искусственному интеллекту.

И вспомним, что одно из определений литературы обозначает ее как искусство слова. Тексты, имеющие статус религиозных, всегда подразумевают присутствие высших сил, божественных (добрых) и противоположных им, человек – лишь «получатель». Вспомним, что, по преданию, Декалог получен Моисеем на горе Синай, а Коран «приснился» Мухаммеду; множество древних текстов в основном анонимны, носитель субъектности нам неизвестен. Автор, писатель в привычном нам бытийствовании, постепенно присваивает себе субъектность создания текста вместе со всеми тяготами и болью собственной жизни и творчества. Возможно, для различения текстов человеческих

и машинных потребуется специальная читательская подготовка, настройка чувствилища художественности. Об этом же пишет и А. Эткинд: «Успех имеет только такое чтение, которое отвечает центральным проблемам современной ему культуры. В демократическом обществе (а чтение всегда демократичнее политического режима) читателям судить, которое из чтений им интереснее. Для этого, конечно, читателей надо учить читать. Преподавание является подлинной основой текстуальной культуры, единственным способом воспроизведения чтения, а значит, продолжения письма» [16].

Сетевая литература – не только часть литературы, но и часть виртуального пространства; литература, которая через нелинейные коммуникации пространство это и формирует. Персональная идентичность формируется на основе как подражания, так и отторжения, отграничения от Другого и Чужого, концептуализируясь в итоге как самотождественность, непрерывность, самость, или, точнее, – Самость как присвоенная субъектность самотворения. Анализируя презентации новых форм идентичности, обусловленной современными технологическими средствами, в научной литературе, И.В. Лысак и Л.Ф. Косенчук приводят существующие «номинации» нового явления: «сетевая идентичность», «виртуальная идентичность», «мобильная идентичность», «электронная идентичность», «домены плавающих идентичностей», «ускользающая идентификация» [17, с. 11]. Для любого пользователя доступна множественная идентичность, не вызывающая сомнений в психическом здоровье, в отличие от таковой (множественной) в реальной жизни. Для автора (писателя) тем более она доступна, но вот парадокс – сетевому автору (вне зависимости от того, им самим написан текст или нейросетью) просто-таки необходима персональная идентичность, пусть даже под «ником». Сейчас нередки случаи, когда в конференции участвуют персонажи, которых представляют, называя имя и фамилию, а также никнейм (например, КиберДед Андрей Масалович). Репутация, имидж, авторитет, коммерциализация, авторское право, персональное имя все еще важны. Вновь отнесемся к тексту М. Эпштейна, продолжающего воображаемую полемику Р. Барта и Л. Февра о новой истории литературы и выделяющего уже целое направление «новый историзм». Он пишет: «Магических слов нет; но есть (как знает почти каждый читатель) влиятельные тексты – и есть (как знает почти каждый писатель) благодарная публика. Текст осуществляет акт в том случае, когда соединяются три свойства: особое свойство автора (назовем его авторитетностью), особое свойство читателя (назовем его сензитивностью) и особое свойство текста (будем продолжать называть его перформативностью)» [16].

Заключение

Проанализировав ряд современных работ о литературе и сетевой литературе и высказав некоторые свои соображения, отметим, что с большей охотой мы все еще обращаемся к «старым мастерам» слова. К авторам, которые как будто предвидели технологическое нашествие на литературу, творчество, производство текстов, предчувствовали в свое время бедствие, вызываемое, с одной стороны, быстротечностью времени и невозможностью человеческого мышления охватить одновременно все движения мысли, все действия и события, а с другой – массовой культурой, закрепляющей, подобно мифу, повторяющиеся узнаваемые сюжеты, но вымывающей сердцевину мифа –

объяснение, понимание и проживание реальности. В то же время у нас нет точного ответа на вопрос: уважаемые авторы предсказывали будущее или его конструировали? Вполне возможно, что нынешние дискурсы сетевой литературы и искусственного интеллекта (в разных сферах жизнедеятельности), предрекающие их господство в том числе и в духовной сфере, – порождение коллективных страхов, попытка их опредметить, в то время как опасность для самого себя и для всего общества представляет сам человек. И для сдерживания самого себя же пугает окружающих. В любом случае – мы все еще читаем именно старых мастеров, а не продукцию нейросетей.

Список литературы

1. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – Москва: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. *Шкуратов, В.А.* Историческая психология / В.А. Шкуратов. – Москва: Смысл, 1997. – 505 с.
3. *Моль, А.* Социодинамика культуры / А. Моль. – Изд. 3-е. – Москва: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
4. *Бакишутова, Е.В.* Интеллигенция в России: историко-психологический подход в изучении большой социальной группы / Е.В. Бакишутова. – Самара: ПГСГА, 2011. – 268 с.
5. *Евтушенко, Е.* Братская ГЭС: стихи и поэма / Е. Евтушенко. – Москва: Советский писатель, 1967. – 240 с.
6. *Вайскопф, М.* Писатель Сталин / М. Вайскопф. – Москва: Новое литературное обозрение, 2020. – 520 с.
7. *Казаков, Е.* Операция «Писатель Брежнев» / Е. Казаков // Живая история. – 2017. – URL: <https://lhistory.ru/statyi/operaciya-pisatel-brezhnev> (дата обращения: 16.09.2024).
8. *Лотман, Ю.М.* Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 704 с.
9. *Эко, У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – Пер. С. Серебряного. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 640 с.
10. *Рослый, А.С.* Сетевая литература как факт современного литературного процесса / А.С. Рослый // Известия Южного федерального университета. Сер. Филологические науки. – 2012. – № 2 (2). – С. 50–56. – URL: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/351> (дата обращения: 26.09.2024).
11. *Ирина Фомина о Мандельштаме и ЭВМ* // Неофициальный информационный портал фанатов передачи «Что? Где? Когда?». – URL: <https://xn-etbqgrg5bs.xn--p1ai/irina-fomina-o-mandelshtame-i-evm?ysclid=m4hg0jwjl811163809> (дата обращения: 24.09.2024).
12. *Кадзуо, И.* Клара и Солнце / И. Кадзуо. – Москва: Inspiria, 2021. – 252 с.
13. *Ломыкина, Н.* «Возможно, мы сами – набор алгоритмов»: Кадзуо Исигуро о вере, правде и любви в эпоху искусственного интеллекта / Н. Ломыкина // Forbes.ru (сайт). – 5 марта 2023 г. – URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/422657-vozmozhno-my-sami-nabor-algoritmov-kadzuo-isiguro-o-vere-pravde-i-lyubvi-v-epohu-ysclid=m4hgxg3akr82165313&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 19.09.2024).

14. *Пепперштейн, П.* Пытаясь проснуться / П. Пепперштейн // ЛитРес. – 2022. – 190 с. – URL: <https://www.litres.ru/book/nevro-peppershteyn/pytayas-prosnutsya-68292629/?ysclid=m4hh98rymf911147370> (дата обращения: 19.09.2024).
15. *Борхес, Х.Л.* Книга Песчинок / Х.Л. Борхес // Книга Песчинок. Антология. – Ред. и сост. В. Багно. – Ленинград: Художественная литература, 1990.
16. *Эткинд, А.* Новый историзм. Русская версия / А. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 47. – С. 7–40. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/1/novuy-istorizm-russkaya-versiya.html> (дата обращения: 16.09.2024).
17. *Лысак, И.В.* Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры / И.В. Лысак, Л.Ф. Косенчук. – Москва: Спутник +, 2016. – 147 с.

References

1. *Bart R.* Selected works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress, 1989. 616 p. (In Russ.)
2. *Shkuratov VA.* Historical psychology. Moscow: Meaning, 1997. 505 p. (In Russ.)
3. *Mol A.* Sociodynamics of culture. Ed. 3rd. Moscow: LKI Publishing House, 2008. 416 p. (In Russ.)
4. *Bakshutova EV.* Intelligentsia in Russia: a historical and psychological approach to the study of a large social group. Samara: PSGA, 2011. 268 p. (In Russ.)
5. *Yevtushenko E.* Bratskaya HPP: Poems and poem. Moscow: Soviet writer, 1967. 240 p. (In Russ.)
6. *Weisskopf M.* Writer Stalin. Moscow: New literary review, 2020. 520 p. (In Russ.)
7. *Kazakov E.* Operation "Writer Brezhnev". Living History. 2017. Available from: <https://lhistory.ru/statyi/operaciya-pisatel-brezhnev> (accessed: 16.09.2024).
8. *Lotman YuM.* Structure of artistic text. Poetic text analysis. St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus, 2018. 704 p. (In Russ.)
9. *Eco U.* Reader role. Research on the semiotics of text. Transl. S. Serebryany. Moscow: AST Publishing House, 2016. 640 p. (In Russ.)
10. *Rosly AS.* Network literature as a fact of the modern literary process. Izvestia of the Southern Federal University. Philological sciences. 2012;2(2):50-56. – Available from: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/351> (accessed: 26.09.2024).
11. Irina Fomina about Mandelstam and computers. Unofficial information portal of fans of the program "What? Where? When?" Available from: <https://xn---etbqgrg5bs.xn--p1ai/irina-fomina-o-mandelshtame-i-evm/?ysclid=m4hgojwlt811163809> (accessed: 24.09.2024).
12. *Kazuo I.* Clara and the Sun. Moscow: Inspiria, 2021. 252 p. (In Russ.)
13. *Lomykina N.* "Perhaps we ourselves are a set of algorithms": Kazuo Ishiguro about faith, truth and love in the era of artificial intelligence. Forbes.ru. March 05, 2023. Available from: https://www.forbes.ru/forbeslife/422657-vozmozhno-my-sami-nabor-algoritmov-kadzuo-ishiguro-o-vere-pravde-i-lyubvi-v-epo-hu/?ysclid=m4hg3akr82165313&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed: 19.09.2024).

14. *Pepperstein P.* Trying to Wake Up. Litres. 2022. 190 p. Available from: <https://www.litres.ru/book/neyro-peppershteyn/pytayas-prosnutsya-68292629/?ysclid=m4hh98rymf911147370> (accessed: 19.09.2024).
15. *Borges HL.* Book of Grains of Sand. Book of Grains of Sand. Anthology. Ed. and comp. V. Bagno. Leningrad: Fiction, 1990. Pp. 119–115. (In Russ.)
16. *Etkind A.* New historicism. Russian version. New literary vision. 2001;47:7-40. Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/1/novyj-istorizm-russkaya-versiya.html> (accessed: 16.09.2024).
17. *Lysak IV, Kosenchuk LF.* Formation of personal identity in the conditions of network culture. Moscow: Publishing house "Sputnik +", 2016. 147 p. (In Russ.).

Информация об авторах

КОСТРЮКОВ Владимир Евгеньевич – аспирант кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 3588-5862. **E-mail:** kvemedia@gmail.com

БАКШУТОВА Екатерина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой культурологии, музеологии и искусствоведения, Самарский государственный институт культуры, г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 3470-0670. **E-mail:** divo4000@mail.ru

Information about the authors

KOSTRYUKOV Vladimir E. – postgraduate student of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 3588-5862. **E-mail:** kvemedia@gmail.com

BAKSHUTOVA Ekaterina V. – Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of the Department of Culture, Museum and Art Studies, Samara State Institute of Culture, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 3470-0670. **E-mail:** divo4000@mail.ru